

Горизонт ожиданий
(вместо эпилога)

История принадлежит живущему в тройном отношении: как существу деятельному и стремящемуся, как существу охраняющему и почитающему и, наконец, как существу страждущему и нуждающемуся в освобождении. Этой тройственности отношений соответствует тройственность родов истории, поскольку можно различать *монументальный, антикварный и критический род* истории.

Фридрих Ницше.

«О пользе и вреде истории для жизни»

Очевидно, что у этой книги не может быть послесловия. Потому что не бывает времени «после истории». История — поток событий — движется бесконечно. История — рассказ о прошлом — должна остановиться на некотором безопасном расстоянии от «сегодня». Историк может повествовать лишь о событиях, отмеченных печатью «исторической давности».

Главная опасность, угрожающая историку при неосторожном приближении к сегодняшнему дню, исходит не от власти и не от цензуры. Это опасность совсем иного рода. С разбегу угодив в «сегодня», историк немедленно теряет статус профессионала и попадает в малопочтенный разряд «пикейных жилетов», обо всем имеющих мнение, которому, как правило, грош цена. Сам характер нашего ремесла не допускает суждения о событиях и деяниях, результаты которых — хотя бы предварительные — еще не наступили.

Борьба за гражданскую свободу в России, не затихшая полностью с приходом к власти Владимира Путина, но принявшая новые формы, еще далека от завершения. Мы же, авторы этой книги, ограничились тем, что из множества сюжетов, составляющих в совокупности

полнозвучную симфонию истории, попытались выбрать «развилки», имеющие отношение в основном к одной теме — мучительному становлению в России гражданского общества. Пройдет время, и наше общество, если ему суждено стать свободным, сможет спокойно заниматься другими — весьма важными! — предметами. Например, историей ментальностей или тендерными исследованиями. В этих областях совсем иная система развилков и другая дистанция исторической давности. Но, не прояснив для себя случайностей нашей прихотливой «гражданской истории», мы еще долго будем несвободны и сможем лишь мечтать о спокойствии и досуге, необходимых для подобных занятий. Ибо общество несвободное обречено неустанно зубрить монументальную историю «героических предков», и прятаться от вездесущей власти в антикварной истории дотошных краеведов.

Трое профессиональных историков, решившиеся в довольно необычной форме представить политическую историю России, не стали, по вышеназванным причинам, давать развернутую характеристику правлению ныне действующего президента. Нам не дано знать, чем завершится виток постсоветской истории, современниками которого мы являемся. Речь не идет об очередном изменении политической линии и даже не об очередной реформе — или ее отсутствии. Важно то, что страна переживает сейчас очередную «развилку» — одну из тех, что рассматривается в этой книге. И от всех нас в какой-то мере зависит, чем мы окажемся через 15—20 лет — «либеральной империей», «управляемой демократией», «просвещенным абсолютизмом» или, не дай бог, «несостоявшимся государством» (failed states, как зовут их англоязычные политологи), какие мы уже видим на постсоветском пространстве.

На подобные вопросы отвечают не те, кто пишет историю, а те, кто ее делает. А делаем ее мы с вами, дорогой читатель. И всегда делали. Что мы и пытались показать.

*Ирина Карацуба
Игорь Курукин
Никита Соколов*